Выходитъ щопятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4 зр. 40 кр. ср. полр. 2 злр. 20 кр. чвертр. 1 злр. 10 кр. на мѣстци 4 злр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата отбираетъ ся въ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіянского.

ПИСЬМО ПОСВАЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 20. Львовъ, 11 Мая 1856. РОКЪ IX.

ѢЗДЪ.

(конецъ)

— „Стой часинку, стой.
Мовь ластовцѣ на морозѣ
Кровь стинаесь ми небозѣ...
Прошу милый двѣ, три хвили.“
— „Въ мене хвиля значитъ миля.
Вѣйся коню, вѣй!
Мѣсяцъ тутъ якъ ледъ студеный,
Роса зимна тутъ якъ иней,
И мовь ще Іордански воды
Шумять черезъ здѣшни броды.“
Фю! съ вѣтрами въ перегонъ
Понесъ ѣзжихъ конь вороный,
Якбы вѣтромъ самъ былъ онъ
А хмарою козакъ оный.
Гдесь-не-гдесь лишь висѣлица
Перемелькне, кракне птица,
Гукне сторожь-птахъ зъ могилы
Ажь дѣвчинѣ лячно стане,
И къ козаку тулитъ тварь,
И жахаесь* що ей мылый
Червонѣйшій зъ лицъ отъ грани
И горячій нито жаръ.

— „Якъ горячо-горшь опали.**
Хоть годинку выпочинку
Позволь милый бо вмру далѣй.“
— „Годѣ, годѣ; за годину
Извѣститъ вже день когутъ;
Закимъ звѣститъ когутъ днину
Незастати насъ вже тутъ.
Такъ червоный мѣсяцъ тутъ,
Роса роситъ зъ неба стропу
Нѣбы искры зъ звѣздъ падутъ,
Воды въ бродахъ горшь окропу.“

Тутъ ще яръ, тутъ вже за яромъ.
Якъ шаленна завирюха
Мчитъ конь степовымъ обшаромъ.
Чи духъ степу далъ му духа?
Чи остатокъ пружитъ силъ?
Вже остатны слабнутъ силы,
Бо вже видко тѣнь могилъ.
Часомъ видко крестъ зъ могилы,
А узрѣвши креста знакъ
Слѣпъ вороный, слѣпъ козакъ.
— „Чомъ пеняешь коню, коню
Вижу слѣдъ твоихъ копытъ,
Слышу дудони погоню —
Чи тобѣ ѣздецъ тяжитъ?“
А конь на то ему въ отвѣтъ:
— „Легше, легше отъ святого
Прахъ живои, тѣнь мертвого.“

— „Та чи добре чула я?
Съ кимъ говоришь мой соколе?“
— „Я говорю до коня.
— „Охъ! твой конь несамовитый:
Двигаетъ живы мертвыи.“
— „Любко, хочь му улегшити?
Улегшитъ му сей блестякъ“...

И скоро лишь сталось такъ
Що кинула крестикъ зъ шіи, —
Вѣйся коню, вѣй!
Не спинитъ тя вже ничого
Хиба воля пана твого:
Годѣ коню мой!

Ксенофонтъ Климковичъ.

* Страхается. **опаль только що скваръ.

ѸТРО И ДЕНЬ.

Повѣсть изъ новѣйшихъ временъ.

I

Комȣ съ насъ неизвѣстны сȣть прекрасны картины днѣстровыхъ долинъ? Опоѧсанъ пасмомъ очаровательныхъ лȣговъ, горбковъ и прїѧтныхъ селъ — царствȣетъ тысѧчилѣтный старецъ Днѣстеръ во объѧтїѧхъ роскошныхъ волнъ надъ пространствомъ родимой земли. Плыветъ задȣмчиво нашь великанъ, — плыветъ отъ давныхъ давенъ своимъ таинственнымъ копытомъ, и смываетъ изъ береговъ порохъ мимошедшихъ родовъ, плекаетъ-же любо настоѧщое племѧ. — Прелестны Рȣсалки оумываютъ рано сребристою стрȣею сѣдинȣ головы его, а вечеромъ лобзаетъ вѣтрецъ взволновавшȣюсѧ грȣдь его тихонькимъ поцѣлȣемъ.

Надъ одною изъ тѣхъ чȣдесныхъ долинъ тѧгнетсѧ на отломкȣ оурвистого берега опрѧтное село Чегрынъ, которого западнаѧ часть постепенно до горба осѣненного лѣсомъ возноситсѧ. Но предъ тѣмъ лѣсомъ, дышȣщимъ амброзїею, почиваетъ бȣдьто дорогоцѣнный вѣнецъ на челѣ окрестности, храмъ Господенъ въ тѣни столѣтныхъ липъ. Оу подножїѧ той церкви старинной ꙗвлѧетсѧ взорȣ нашомȣ скромное обиталище здѣшного Приходника, а о нѣсколько сажней оттȣдȣ надъ самымъ высочайшимъ берегомъ рѣки стоитъ хижина пѣвца церковного, или такъ званного дьѧка. Єще двое хатинъ съ принадлежащими зданїѧми* опираютсѧ о грозѧщое корыто Днѣстровое, прочїи-же розпространѧютсѧ въ идиллической нѣжности къ обильнымъ низинамъ, где на самомъ оуглȣ села въ нѣдрѣ однородственныхъ тополь новоȣстроенный домъ красȣетсѧ. И при тѣмъ-то оуединенномъ мѣстѣ и мы на времѧ короткое остановимсѧ, дабы ближайше зданїю и его жителѧмъ придивитисѧ.

Вшедши черезъ ворота могъ любопытный зритель опрѧтное, въ серединѣ плачȣщими пѧтилѣтными березами осѣненное надворье оувидѣти. Дальше ꙗвилосѧ зрѣнїю не великое обиталище, но красное хотѧ и соломенною кровлею покрытое, бо съ передной стороны красовались въ прелестномъ видѣ цвѣтники, а прїѧтный, новоȣчрежденный садокъ осѣнѧлъ остальныи стѣны. За садомъ тѧгнȣлсѧ обширный огородъ, въ которомъ кромѣ кȣхонныхъ зелїй также пшеничка и жито въ пестромъ ладȣ волновались. Нѣкоторыи еще зданїѧ и малаѧ кȣзница оукончивали порѧдокъ домашного господарства. — Но не толко таѧ обитель была въ тое времѧ чисто нарѧженною: и иныи блестѣли днесь бѣлостїю по селахъ необыкновенною; кажȣ бѣлостїю необыкновенною, понеже нашїи селѧне только на Великдень и на Праздникъ оудостоѧютъ свои хатины большой опрѧтности.

Вотъ и нынѣ имѣетъ быти въ томъ селѣ праздникъ; засвѣталъ бо день Рождества св: Їѡанна, а ночь была прекрасна; мѣсѧцъ такъ любо смотрѣлъ со всѣми звѣздочками на дремлѧщїй мїръ, що пастыри на лȣгахъ до поздной ночи розличныи дȣмки и пѣсни при голосѣ солодко-жалостно звȣчащой сопѣлки воспѣвали. Бо и пастȣхъ проводѧщїй жизнь лѣтною порою день и нощь на лȣгахъ, не есть такъ застȣденѣлого сердца, щобы не внималъ въ себѣ высшое чȣвство при нѣкоторыхъ мгновенїѧхъ жизни.

Пройшла ночь съ своими таинственными подрȣгами марами, изчезла и пом-

* Бȣдинками.

чалась въ лоно мрачного свода, и только дрожала концами своихъ мрачныхъ крылъ; встрепенꙋласѧ и ей неотлꙋчный сꙋпрꙋгъ, всепобѣдительный сонъ, а на озаренномъ востоцѣ ꙗвиласѧ велелѣпнаѧ зорѧ въ ꙋтренной багрѧнной ризѣ. Долго придивлѧласѧ таѧ природнаѧ красавица изъ дремоты возставающомꙋ мїрꙋ: И ꙗкже чꙋдесно-тайно было тогда въ той картинѣ, прозябающой изъ объѧтїй мрака! На темно-лазꙋрномъ небѣ блѣднѣли томно выглѧдающїи звѣздки, — блѣднѣли и начали погрꙋжатисѧ смертнымъ блескомъ въ лоно безмѣрного небесного океана. Изчезли всѣ тїи ꙗркїи свѣтила тихонькой ночи, закотилсѧ и блѣдный мѣсѧцъ за лѣсистыи горбы дотыкающїи Днѣстрового корыта, и только одна ꙗснаѧ, сребреннаѧ звѣзда, бꙋдьто сестра прелестной зори приближилась ласкательно къ ей ꙋтренномꙋ поцѣлꙋю. . . .

Безмолвнаѧ тишина, которꙋю иногда пѣсонька солодка проснꙋвшойсѧ птички прерывала, розлиласѧ по цѣлой окрестности, радостно шꙋмѣлъ никогда не дремаючїй старецъ Днѣстеръ, и мѣшалъ шꙋмъ волнъ своихъ и тайнꙋю пѣснь Рꙋсалокъ съ пѣнїемъ птицъ сосѣдного лѣса! Свѧтое благоꙋханїе спꙋскалось изъ єѳира на земнꙋю картинꙋ, и припоминало оное свѧтое благовремѧ, когда св. Їѡаннъ Креститель сребренными стрꙋѧми Їорданскими пꙋть спасенїѧ прїꙋготовлѧлъ. —

Оузрѣвши тꙋю мирнꙋю лѣпотꙋ природы, возсїѧла зоренька милаѧ; и бꙋдьто бы съ радости — ꙋронила адамантовыи слезы на пространство земли.

Въ томъ отворилась дверь, и войшла въ цвѣточный огородокъ прекрасна дѣвица, краснѣйша ꙗкъ сверкающа Зорѧ, во въ мгновенїи, бꙋдьто изъ стыда, изчезла природна красавица или лꙋчше сказати, росплывалась въ блескꙋ новорожденныхъ лꙋчей солнечныхъ. . . .

И воздвиглось изъ своего ложа величественное солнце, поднеслось по надъ обшаръ земный, и оживило своимъ благотворительнымъ дыханїемъ всѧкꙋю плоть. Пробꙋдилсѧ въ своей ꙗрꙋзѣ ꙋтреннїй вѣтрецъ и подлетѣлъ къ облачкꙋ, носѧщомꙋсѧ по лазꙋрномъ сводѣ; встрепенꙋлось облачко, сѣло на крылье ꙋслꙋжливого вѣтрика и сближилось къ стрѣтенїю розжаренного солнца, которое въ его лонѣ погрꙋзилось. —

Оупоманꙋта дѣвица озрѣлась голꙋбыми очами по пробꙋдившомꙋсѧ мїрꙋ, озрѣлась по небесной вышинѣ, и въ ей невинныхъ очахъ отражалось не такъ сильное пространство небесъ, ꙗкъ небесна тишина ей дꙋши. Рꙋсавыи ей волосы сплывали въ двохъ долгихъ сномъ ꙋмѧтыхъ косахъ, и осѣнѧли ангелское невинное лице и мраморнꙋю бѣлость шїи, а ранное бѣлое платье покрыло гибкїй станъ и пригожꙋю поверхню ей тѣла. — Приклонившись къ пестрымъ цвѣтамъ, срывала она хорошїи рожи, бѣлыи лилїи и ароматами дышꙋщїи левконїи, и прїобрѣвши довольное число тѣхъ розноцвѣтныхъ дѣтей природы, ꙋсѣла на приспѣ хаты и начала вѣнецъ сплетати. Прекрасны цвѣты сгибались бꙋдьто самовольно подъ алабастровыми перстами рꙋки нѣжной, и дрꙋжились, хотѧ не однородныи, въ одномъ нерозлꙋчномъ союзѣ.

Сплетши вѣнецъ изъ превосходныхъ цвѣтовъ, вошла въ свѣтлицꙋ, ꙋкрашеннꙋ свѧтыми образами и смиренно перекрестилась. Междꙋ иными былъ замѣчательный образъ снѧтїѧ тѣла Христова изъ креста, котораѧ-то кар-

*

тина, хотя обветшала многими лѣтами, въ своихъ искȣсныхъ чертахъ счастливое подражанїе оной многославной иконы безсмертного Рȣбенса являла. По правомъ боцѣ того образа было изображенїе Пресвятой Родины, по лѣвомъ-же Їоанна Крестителя. Еще одна чȣдесная картина, представляюща ȣмирающого Ангела, блестѣла въ прїятной комнатѣ, котора не такъ вкȣсно, якъ чисто ȣстроенна была. Простерши на столѣ вѣнецъ и ȣборныи цвѣты, стала дѣвица образы святыи тѣми знаками природной радости ȣкрашати, а дорогоцѣннȣю иконȣ св. Іоанна, яко въ праздничный день тогожь Предтечи Їисȣса нарядила она пестроцвѣтнымъ вѣнцемъ. Потомъ приклонила колѣна, сложила рȣкȣ на грȣди, и возсылала изъ глȣбины дȣши щирȣю ȣтреннюю молитвȣ къ Всевышномȣ Отцȣ свѣта. А мольба ей невинна, такъ якъ взоръ лица ей, воистинно тронȣла о престолъ величества божого, а облакомъ заслоненное солнце открылось, пролило свой ясный лȣчь черезъ окно и озарило головȣ молящойся дѣвицы. (П. с.)

ОДАЯ И ОАЗЫ

(Путешествіе въ Сагару.)

(Продолженье)

Господинъ Рихардсонъ посредствомъ консȣла одержалъ легко призволенїе, области Сȣлтана внȣтрь Сагары посѣтити; паша пообѣтовалъ емȣ даже прикрытїе (ескортȣ). И воистинȣ звачилъ онъ, когда прилȣчилъ ся до караваны отходящой изъ Триполисъ до Гадамесъ, що находилъ ся подъ защитою шестьдесятъ воиновъ арабскихъ подъ начальствомъ Шейка. Были то во прочемъ нȣжденныи бѣдняки, которыхъ видъ наводилъ сожалѣнїе. Ишли они сгорблено, якъ бы время ȣсȣшенного своего тѣла не могли ȣнести, а ихъ бѣлыи, голодомъ изострѣнныи зȣбы, несогласшали ся съ чорною, отъ солнца спаленною барвою тѣла. Если подивитися на нихъ и ихъ очи, которыи мовь жарящїи ȣгли изъ скалȣбинъ своихъ вызираютъ, можь бы принимати ихъ за ȣгашенный пожаръ, въ которомъ лишь двѣ искры тлѣютъ. Несли рȣчницы съ замковыми лянтами, незнаючи больше розвеселенїя надъ тое: безпрерывно порохомъ стрѣляти, по чемъ слѣдовало, що закимъ Рихардсонъ третȣю часть пȣтешествїя отправилъ, имъ и на одинъ выстрѣлъ порохȣ не осталось. Такъ подаваютъ воины правительства въ Триполисъ; междȣ тѣмъ видѣлъ пȣтешественникъ нашъ, закимъ изъ повышшого мѣста выйшолъ, пересмотръ воиновъ творящихъ залогȣ, въ которой одинъ полкъ принадлежно былъ ȣмȣндированный и послѣ европейского способȣ маневровалъ. Есть то одно изъ обыкновенныхъ въ краяхъ бисȣрманскихъ контрастовъ: нѣсколько блескȣ, но ничь подъ немъ. Майже всѣ области оттоманского государьства сровнати бы можь со старыми деревами, которыи корȣ еще имѣютъ, когда внȣтренность ихъ совершенно спорохнѣла.

Ескорта караваны была лахманами закȣтанная. Большая часть тѣхъ воиновъ имѣла одежь складающȣю ся изъ волняныхъ, полосатыхъ (gestreifter) покрывалъ, заледвы достаточныхъ прїодѣти сȣхїи ихъ кости. Хотя о ихъ мȣжественности ȣсомнѣватись не можно, однакожь не сȣть они розбойникамъ, которыи бы караванȣ напали, опасными. Самъ начальникъ ескорты имѣлъ чотыре рȣчницы, не числя въ тое пистолеты и саблю. Рихардсонъ пыталъ ся его, що тѣми орȣжьями почнетъ,

на що отвѣтилъ: „Не знаю; Богъ вѣсть." А купецъ принадлежащій къ караванѣ примѣтилъ: „Если судьба хочетъ, щобъ мы ограбленны и забитыи были, то и такъ ограбатъ и забьютъ насъ, хотьбы ваша съ всѣмъ своимъ войскомъ тому противился." Изъ той точки зрѣнія очевидно ескорта непотребна; а караваны вообще думаютъ, що она даже вредливая есть, понеже несчастныи сголоднѣлыи воины безпрерывно о милостыню просятъ и всякимъ случаемъ пользуются, щобъ подорожныхъ, которыхъ хоронити имѣютъ, немилосердно обдерти.

Господинъ Рихардсонъ купилъ собѣ два верблюды за семнадцать таларовъ. Одинъ призначенъ былъ на ѣздъ, а другій нести кухонныи сосуды и часть харчу. Первый обремененъ былъ двома кошелями, по которыхъ соломянка розпростерта была такъ, що путешествуючій выгодно могъ сидѣти. Рихардсонъ имѣлъ подушку и парасолъ; подушку подъ голову, а парасолъ дабы отъ солнца защититися; двѣ тіи вещи составляли всю его зброю. На плоской поверхности ступаетъ верблюдъ совсѣмъ безопасно, а ходъ его хотяй есть скорый и широкій то разомъ и великой сорозмѣрности. Но когда онъ горками пробирается или спускается, тогда смѣняется ходъ его, стается скорымъ, неровнымъ такъ, що недосвѣдченный ѣздецъ часто въ опасности лобъ свой стратити перебываетъ. Тая опасность есть тѣмъ большою, чѣмъ угорнѣйше стается звѣря, если край пропасти ступаетъ. По тотъ часъ нужно сдержатись отъ насильныхъ повеленій; понеже сей часъ звѣря енергическимъ дѣломъ неудовольствіе свое даетъ сроzумѣти. Помня що верблюды обыкновенно суть терпѣливыи, находитъ ихъ часто лихая примха (caune) часто стаются укорными. Пожираютъ они молодую хопту по дорозѣ, котору съ великимъ быстроуміемъ звачаютъ такъ, що ни бичемъ ни примовою не дадутъ собѣ тое запретити. Суть роды корчей съ острыми колюками наводящіи тое задумчивое, упрямое звѣря, въ непреодолимое роздражненіе. Хотяй оно вообще есть умѣренное, то звачивши тое любимое свое кушанье; стается нетерпѣливымъ; кушанье тое очень пріятное есть его писку. Когда верблюды совершенно удовлетворили своему вкусу, заходитъ ихъ пароксисмъ ненависти къ людямъ: силятся они злохитрымъ способомъ не лише отъ ѣздца и иныхъ покладенныхъ бременъ освободитися, но и нападаются межи собою такъ, що видится близость своего собственного роду они не могутъ стерпѣти. Самица стоваришается больше, имѣетъ мирнѣйшій характеръ; такожде и жители оазъ цѣнятъ ею больше, пропитуючись ей молокомъ. Зовется она Нага; была то бѣлая, безпятная Нага, на которой Мугамедъ въ рай въѣхалъ. Тая, на нейже господинъ Рихардсонъ ѣхалъ, видѣлось знала своего пана, помня его одежи, котора у всѣхъ путешественниковъ караваны была однака, задерживалася скоро лишь почула его голосъ, и не понехала никогда во время подвечерія змѣрити глипомъ своимъ кошели, изъ которыхъ ѣсти ей давано. Должно не замолчати намъ, що она въ одинъ часъ при взлѣзанію горбка ѣздца скинула, и кобъ не поквапилъ ся былъ невольникъ близько стоящій, тобъ не возворотилъ ся онъ былъ вѣроятно въ Европу, дабы пригоды свои розповѣдати. Но тое не было еще одинокимъ случаемъ, при чемъ Нага заслужила собѣ на догану; Рихардсонъ дол-

женъ былъ одного канибальского дѣла ради ею выганьбити, ѩкое совершила была одной днины, когда кости велблюда лежащіи розсыпанны по дорозѣ ссала.

Каравана тѧгнѹласѧ въ живописномъ неладѣ; одны стѹпали на передъ, дрѹгіи остакалисѧ на задѣ; тіи по десной, тамтіи больше ѩкъ на милю отдаленныи шли по лѣвой рѹцѣ. Верховодникъ силилъ сѧ съ великими трѹдами, покровительствѹемыхъ держати при кѹпцѣ. Леталъ онъ отъ одного до дрѹгого, розмахивалъ, кричалъ и совокѹплѧлъ розпорѧженіѧ свои съ клѧтвою та ганьбою. „Есьте безѹмныи звѣрѧта," покликѹвалъ на одного; — „вы есте горьшіи отъ сего джавра," кричалъ на второго вказѹючи на нашого подорожного. Но кѹпцы принимали тое съ найбольшимъ ровнодѹшіемъ, помнѧ що часто двигалъ онъ саблею по надъ ихъ головами; они не перестали по своемъ оудовольствію стѹпати. Злость начальника ѩвилась въ той мѣрѣ смѣшною, по котрой всѣ его оусиліѧ, были ничтожныи. Нѣкій Гамео, родомъ изъ Мальты который, былъ докторомъ при той караванѣ, имѣлъ особенное преимѹщество, желчь свою частѣйше роздражнѧти. Былъ то человѣкъ очень дикный, желалъ онъ прославитисѧ въ своемъ званію, оупотреблѧючи въ томъ намѣренію при каждомъ слѹчаю пѹсканье крови. Когда пріишолъ Мавръ, дабы ѩкого средства на безплодность жены своей оу него допроситисѧ, то онъ пѹскалъ кровь емѹ изъ жилы; пожелалъ кто чарь-зелье отъ него, дабы любовь молодой дѣвочки оузыскати, онъ не нагадѹючись много, сей часъ забиралъ сѧ кровь пѹскати. Такъ означалъ новый тотъ докторъ всю пѹть свою кровію, пѹскаючи изъ жилъ по всѣхъ селахъ кѹда лишь каравана переходила. Братъ его, подивлѧющій глѹбоко талантъ его, желалъ отъ него лишь тое, дабы не такъ изобильно оупотреблѧлъ своего средства: онъ посовѣтовалъ Гамеови, за каждое пѹсканье крови платѹ побирати, хотай бы и ѩкъ незначительнаѧ было; но великодѹшный Мальтезанъ презиралъ мерзкій тотъ совѣтъ. Жіючи изключно въ искѹствѣ своемъ, одѹшевленъ презрѣніемъ всей вещественной простой жѹрьбы сего свѣта, продолжалъ онъ ѩкъ найдовольнѣйше кровопѹсканіе свое, мовлѧчи братѹ своемѹ: и въ томъ желаю прославитисѧ. Междѹ тѣмъ въ времѧ большой части пѹтешествіѧ своего, запалъ онъ вразъ съ родиною своею въ оужаснѹю нѹждѹ. Неѹтомительный докторъ, часто сдерживанъ по дорозѣ недѹжными, оумедлѧлъ не мало ходъ караваны. Начальникъ Мѹгамедъ западалъ часто черезъ тое въ отчаѧніе, и покликовалъ при каждомъ попасѣ: „Гамео! гдежь исчезъ тотъ Гамео? онъ докторомъ именѹетсѧ тотъ простакъ! Гамео докторъ! и собацѣ не казалъ быль брати лѣкѹ отъ него. Гамео, безконечный пѹстословε!"

Мѹгамедъ, Гамео и Сандъ слѹга господина Рихардсона, была то особеннаѧ тройца, ѩкѹю лишь где стрѣтити возможно. Негръ тотъ былъ то оубѣгшій невольникъ отъ маистра своего ткача, которого Рихардсонъ принѧвши въ сопроводъ свой, скрылъ передъ изслѣдованіѧми пана. Добродѹшный Сандъ имѣлъ нѣкіи пороки: онъ былъ ненаѣда, лгачь, лѣнивъ, неосторожный, розкошный, сѹеславный безъ сровненьѧ; онъ никогда не оуслѹжилъ своемѹ панѹ, хотѧ стоѧлъ емѹ многіи гроши, и наводилъ тысѧчныи неѹдовольствіѧ. Сандъ перечилъ сѧ безпрерывно съ Мѹгамедомъ; особенноже въ политицѣ никогда не могли погодитисѧ. Мѹгамедъ былъ консервативныхъ

мнѣній, приверженецъ системы невольничой, Саидъ принималъ душевь и тѣломъ мнѣнія розрушительныи. Онъ былъ конечно того мнѣнія, що люди его масти имѣютъ право розкошно жити, все дѣлати що имъ понравится, быти прокормленными, пріодѣтыми и совершенно ничь не робити. Мугамедъ противо былъ глубоко приведенный, що Африкане суть на тое сотворенныи, дабы отбирали батоги, терпѣли голодъ, студень, скварь и всѣ оутружденія въ пользу бѣлыхъ и то безплатно. Теорію тую старалъ ся онъ даже въ самой практицѣ объявити; а такъ въ одинъ часъ присвоилъ онъ собѣ велблюда, который послѣ оусловія заключенного господиномъ Рихардсономъ пренадлежалъ Саиду. Когда Рихардсонъ обвинилъ его клятвопреступленія ради, извинялъ ся онъ тѣмъ що подаровалъ Негрови пару ходаковъ! По той самой причинѣ забралъ онъ и воду, котора такожде призначенна была для Саида. Тая оскорба безсомнѣнно была принукою, що господинъ Рихардсонъ на поменьшіи грѣхи своего слуги затискалъ очи. Саидъ выпивалъ воду доброму своему панови, и розделялъ злишное по межи свои знакомыи; видѣлось силилъ ся человѣколюбіе протектора своего изнорывати.

Жерела въ Сагарѣ дорогоцѣннѣйшіи суть отъ золота, а при конци долгого путешествія, охочо далобы ся всѣ адаманты Голконды за слезящій поточокъ. Фонтаны въ сагарѣ вытрыскаютъ то на плоской землѣ, то и плывутъ великими струями на долинахъ по подъ пѣсокъ. Первыи защищаются огородою или навершенными каменіями та хащами; вторыи начальникамъ караваны суть свѣдомыи; розкопывается пѣсокъ, а сей часъ изтекаетъ свѣжа водица, солодша и пріятнѣйша жаждущому Маврови нежь дорогоцѣнное вино. Где куда суть жерела въ значныхъ глубинахъ на видъ кирницъ изкопанны человѣческими руками. Въ кирницы тіи спускаются держачися за ростенія якіи тамъ ростутъ. Каждый чуженецъ при такомъ дѣлѣ легко ровноваги пострадати можетъ; но безопасность, съ якою Мавры спускаются есть такъ велика, що въ тотже самъ часъ межи собою сварятся, дрылятся и кулаками бьются. Мѣстце жерела стается конечно зрѣлищемъ спору, каждый бо путешественникъ желаетъ быти первымъ, дабы заглаити сей часъ жажду свою и напоити свои звѣрата. Во прочемъ не много изтекаетъ воды изъ фонтаны; выпиваютъ ею такъ, що слѣдующіи путешественники должны заждати, поколь свѣжая не появится.

Много жителей оазъ, переходятъ самотно значныи пространи Сагары; стрѣчаются даже некѣсты, путешествующіи безъ сопровода на поперекъ Сагары. Найбольшою опасностію, въ якую попастися можь, есть кромъ нападу отъ розбойниковъ, опасность заблукати ся. Часто читается въ описахъ путешествій о страданіяхъ тѣхъ, которы по лѣсахъ нового свѣта заблукалися. Легко повѣдаютъ можь тамъ ошибнутися и черезъ долгое время въ одномъ и томъ самомъ обшарѣ ходити. На гладкой пространи, безконечной со всѣхъ сторонъ, потахающой гдесь тамъ въ невосклонѣ, где ни одной точки, ни одного деревца не видно, не возможно ніякимъ свѣтомъ путититися въ простомъ направленію. Путешественникъ, отдалившій ся отъ товаришей своихъ средѣ пѣскового того океану, не отъискаетъ ихъ такъ скоро, и попадается въ опасность самотно за-

загибати въ одаи. Путешествїе господина Рихардсона отзначаетсѧ одновь пригодовь, того роду.

Было то въ близости навершенныхъ опокъ, ꙗкїи рука природы въ дикомъ неладѣ понаскидовала. Тїи зъ внутрїѧ земли вулканическими судорогами (конвул:їѧми) произверженныи каменьѧ, подабаютъ ꙗкъ мовлѧтъ розвалинамъ готїйского зданїѧ; Арабове великїи охотники къ чудесному наименовали, изъ той принукн мѣстце тое палатою духовъ. Послѣ преданїѧ розвалины тїи заселенныи суть духами которыи берегутъ сокровища ꙗкъ генїи въ тысѧщь и одной ночи. Горе несчастливымъ сближающимъ сѧ къ ихъ обиталищамъ особенно ночїю! дорого заплатили бы они любопытство свео!

(П. с.)

ДОПИСИ

(Отъ Станиславова).

Въ сихъ сторонахъ съ нетерпѣливостію выглядаютъ окончення Вѣденьского собора и всегда питаемся тою надеждою, що день услышати благіи слѣдствія дѣйствованья нашихъ владыкъ въ престольномъ градѣ. Надѣемся управильненья церковныхъ и гіерархическихъ справъ, надѣемся сровнанья состоянья священнического съ духовенъствомъ обряда лат. найбольше же ожидаемъ преведеніе въ дѣйствіе изреченного учрежденія новой епархіи, котора отъ давна въ шематизмѣ фигуруетъ, но которой доселѣ по истинѣ нѣтъ. Въ томъ отношенію очи наши надежно обращенны къ защитнику и предстоятелю нашему и заступнику русского священничества цѣлой простороной Галичины. Онъ неутомимый ревнитель во вертоградѣ христовомъ, нещадитъ никогда трудовъ въ дѣлѣ благомъ, но яко исполинскій велитъ подвизается про благо церкви и народа. Мы молимъ, подаждь Господи силъ ему, дабы особенно послѣдному дѣлу, имѣюще исповѣданію нашему въ такъ значительномъ городѣ и странѣ новый блескъ принести, возмогъ у степеней апостольскихъ престоловъ, вѣденьского и римского, осуществленіе исходатайствовати, и духовную жажду такъ численного стада заспокоити,

И . . . . . .

Львовъ 10 (22) Мая. Зайшовши приходомъ въ передмѣстье Жолкевское, звоны вежи св. Пятницѣ воззвали мене въ церковь. По окончeнію молитвы я сталъ розсмотривати украшенія храма сего. Знаючи прежное состояніе внутри сей церкви и соравнивши оно съ теперѣшнимъ, должно признати, що теперѣшній приходникъ тойже и настоятель намѣстничества Львовского, великую положилъ заслугу коло воздвиженія обряда нашего, который до селѣ тзкъ мало имѣлъ ревнителей. Тое дѣло тѣмъ большой наберетъ въ очахъ нашихъ достойности, если убѣдимся, що здѣшній приходъ едва 800 душъ числитъ и почти исключительно самыхъ простолюдиновъ за прихожанъ имѣетъ. Всеч. консисторія умѣюча такъ достойно заслуги своихъ священниковъ цѣнити, безсомнѣвно и сему вседостойнѣшему и ревнѣйшему іерею узнаніе свое оказати не залишитъ. То тѣмъ больше, понеже, якъ намъ говорено, онъ еще больше блага въ крузѣ своего намѣстничества сдѣлалъ. Скоро только узнаемся близше и поименно съ его дѣйствованіемъ намѣстническимъ, незамедлимъ обнародовити тое временописями такъ мірскими, якъ духовными, дабы церковь и народъ достойныхъ мужей своихъ познали и имя праведника и ревнителя увеличилось. Честь кому честь!

X.

Спис предплатнтелей на Зорю Галицкую того г. (продолженье).

Преп. госп. Метеля пар. въ Куликовѣ.
,, ,, Загайкевичь пар. въ Серафинцахъ
,, ,, Негребецкій пар. изъ Купповецъ
,, ,, Когутскій нар. изъ Кадлубищъ
,, ,, Здерковскій пар. изъ Толстого
,, ,, Лопатыньскій пар. изъ Порогъ
,, ,, Величковскій пар. изъ Чертежа

(п. с.)

Тупомъ Института Ставропигіянского. Редакторъ Николай Савчинскій.